

Е.Н. Пенская

«АЛЫЙ ПАРУС» — ЭТО РОМАНТИКА В ДЕЙСТВИИ

Сначала — четыре «почему?».

- Почему «Алый парус»?
- Почему об этой теме сейчас, в отсутствие каких-либо прямых поводов?

- Почему и как «Алый парус» жив до сих пор?
- Почему уроки «Алого паруса» интересны сегодня?

Факты из истории «Комсомолки»:

1963 г. (к тому времени газета выходит больше тридцати лет) — анкета «На Марс — с чем?» положила начало дискуссии «Нужна ли в космосе ветка сирени?» и знаменитому спору физиков и лириков, который со страниц «КП» выплеснулся в саму жизнь.

Основана первая в истории советской печати страница «КП» для подростков «Алый парус».

Таким образом, у нас есть формальный повод вспомнить об одном из уникальных проектов в истории советской педагогики, образования и журналистики: 2008-й г. — условно юбилейный. В этом году «Алый парус» отметил бы свое 45-летие.

«Алый парус» создавался в эпоху «оттепели» «неутомимым идеалистом и реформатором образования»¹ Симоном Соловейчиком. В разные годы в этот проект были вовлечены те, кто в 1970–1980-х стали звездами отечественной журналистики.

В этой истории нет иерархии; в ней важен любой участник: писатели Алексей Дидуров и Ярослав Голованов; правозащитник Юрий Щекочихин; создатель коммун, невероятных социальных проектов Валерий Хилтунен; социолог Борис Грушин, основатель Института общественного мнения — вещи абсолютно беспрецедентной в те годы, ведь это первая в истории страны административная ячейка со своим штатным расписанием и зарплатой, которая была создана не сверху, а снизу²; Валентин Юмашев, прошедший путь от курьера «КП», капитана «Алого паруса» до заместителя главного редактора журнала «Огонек», литературного помощника первого президента России, а затем руководителя крупнейшей правительственной структуры. «Случай Юмашева» — в каком-то смысле точка, финал проекта: «Алый парус» — «Администрация президента» сомкнулись в одной общей аббревиатуре «АП».

¹ Эйдельман Т. Год реализованных утопий: школы, учителя и реформаторы (www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/329/348/).

² Грушин Б. Во время паники рабочих и академик ведут себя одинаково (<http://www.kp.ru/daily/23329.5/30831/>).

«АП» плюс его сотрудники, все вместе и каждый в отдельности — это множество разных историй, выдуманных и реальных, это целый пласт мифологии советской педагогики и журналистики. Это уникальное содружество и сотрудничество параллельно с существованием центрального ядра прорастало отдельными ветвями, проектами, срок действия которых длился и после реального завершения жизни «Алого паруса».

Что это было? «Дружба в чистом виде. Не просто эгоизма не было — никакого индивидуализма. Хотя все потрясающие индивидуальности. Очень много вне рабочих дискуссий. Кино, театры, стадионы, загородные пикники, лыжи, рыбалка. Вокруг меня всегда была яркая компания. Народ очаровательный. Фантастические люди. Все жили одним делом: производить хорошую журналистику. Было время настоящей перестройки в журналистике. Летучки — целые сражения. Я в роскоши купался! То, что называется в «роскоши человеческого общения»¹.

Если упростить историю «АП», то в ней можно выделить три периода: 1960-е; 1970-е; 1980-е. Каждый этап рождал своих героев, лидеров, которые, в свою очередь, становились инициаторами «дочерних» структур. Так, молодые корреспонденты Валерий Хилтунен и Ольга Мариничева создали подростковый коммунарский клуб при страничке «Алый парус». Клуб называли «Комбриг», или еще — «Ребятчи комиссары». Одна из задач этого клуба — собрать в «Комсомолке» людей, которые внутренне были неудовлетворены окружающей жизнью и пытались использовать иные методы развития личности. В основе этих методов лежали наработки так называемого коммунарского движения, которое с конца 1950-х годов существовало в СССР. Это было неформальное педагогическое движение, основанное на экспериментальных методиках, выработанных доцентом Ленинградского института педагогики и психологии им. А.И. Герцена Игорем Ивановым и внедренных в практику в Ленинграде Фаиной Шапиро. В 1960-е годы это движение распространилось почти на всю страну. Пропагандистом коммунарских идей был известный писатель и педагог Симон Соловейчик. Однако к концу 1960-х в коммунарстве руководство страны увидело фактически соперника (а возможно, и могильщика!) ВЛКСМ, и движение было запрещено. Вернее, стало существовать на полуправильном положении. Одной из структур коммунарского движения и был клуб «Комбриг». Корреспонденты через «Комсомольскую правду» и через сборы, которые организовывались в различных школах как в Москве, так и по всей стране, несли идеи коммунарства, элементы педагогики творчества, групповой психотерапии. Одной из задач школьных сборов было раскрепощение подростков, попытка показать им, что жизнь внутри школы может быть намного интересней, чем была на самом деле.

Директоров школ интересовало создание единого дружного коллектива по вертикали — от младших до старших классов. А это

¹ Грушин Б. Указ. соч.

могло произойти — и происходило — в течение одного сбора, продолжавшегося, как правило, три дня. Это был своеобразный тренинг по превращению зашоренных детей в живых.

«Речь-то нужно вести, скорее, об “антипедагогике”, об инновационном российском андеграунде, откуда родом Александр Ривин, Иннокентий Жуков, Адриан Топоров, — вспоминает В. Хилтунен. — Возможно, не все из этих фамилий у вас на слуху. Мне повезло. Долгие годы я сидел примерно на том же стуле в редакции “Комсомольской правды”, на котором до меня громоздились Володя Дудинцев и Слава Голованов. Последний орал на нас, начинающих, если мы прятались от очередного лохматого изобретателя, который катил на тележке чертежи своего вечного двигателя: “Даже если всего лишь один процент, да что процент — один промилле этого бреда окажется гениальной догадкой, то не будет тебе во веки веков прощения от правнуков, что именно ты прозевал, не услышал”. Я был молод, и мне тогда казалось, что зря мэтр так уж сильно беспокоится. Теперь-то я понимаю, что он еще мало орал... Тогда бы и папки мои были еще толще...»¹

А в конце 1970-х — начале 1980-х годов в «Алом парусе» возник клуб юных корреспондентов, сети которых работали очень продуктивно, а впоследствии оттуда вышла (последняя, может быть) плеяда очеркистов.

Сейчас принято считать, что новая журналистика началась с «Известий», которые возглавил Аджубей. Очевидцы и участники событий тех лет считают, что это искажение: новая журналистика начиналась с «Комсомолки», которая еще в 1956 г. развивала абсолютно новые формы: живой репортаж, интервью (тогда публиковались циклы бесед с теми, кто возвращался из сталинских лагерей, — и это был настоящий шок!), впервые ввела социально-экономический очерк. «Комсомолка» и ее «Алый парус» создавали подлинную журналистику факта, формировали новый стиль, новый язык.

«Алый парус» менялся в течение нескольких десятилетий. Но оставалось в нем одно главное зерно: разговор на равных тех, кому 16–17 лет, и людей старшего поколения. «Алый парус» был единым центром, штаб-квартирой для педагогов, журналистов и подростков. Этот феномен еще требует своего серьезного осмысления.

Мы предлагаем вниманию читателя фрагменты из книги, выпущенной в 1966 г., — книги, собранной по материалам писем, статей, с добавлением нескольких текстов, не вошедших в основной состав. Кроме того, обращаем ваше внимание на то, что книга открывается коротким вступлением Чингиза Айтматова. 10 июня 2008 г., когда готовился номер, писателя не стало. Его вступление к книге — «Разговор-эпиграф» — не публиковалось позднее ни в одном собрании сочинений, тем ценнее оно для сегодняшней аудитории.

¹ Хилтунен В. Игла в небо (<http://www.soob.ru/n/2002/10/c/10>).

Это издание стало сейчас библиографической редкостью: в крупных московских библиотеках (кроме Ленинки) оно по разным причинам недоступно, тираж в свое время разошелся мгновенно, а при попытках достать книгу у самих участников и составителей (Валерия Хилтунена, Алексея Ивкина, Ивана Зюзюкина) мы потерпели фиаско. Архив Симона Соловейчика — по словам вдовы Нины Грантовны, 200 неразобранных коробок — в настоящее время закрыт.

Документы «Алого паруса», анализ контекста, среды еще ждут своих исследователей. А сейчас, когда вновь так остро встал вопрос о патриотическом воспитании, о том, что такое «гражданин своей страны», когда так болезненны проблемы молодежной прессы, мы считаем необходимым ввести успешный опыт, на котором выросли как минимум два поколения, в сегодняшний контекст обсуждения.

Что это за книжка?

Разворачивая «Комсомольскую правду», ты иногда встречаешь на последней ее странице слова: «Алый парус». Это страничка для ребят и про ребят, которым 16–17 лет. Но многие жалуются: «Почему “Алый парус” такой маленький? Всего одна страничка, да и то раз в месяц...» Ну что ж, вот мы и выпускаем большой «Алый парус», на двухстах страницах сразу. И тоже, конечно, для ребят и про ребят. Это второе плавание «Алого паруса», его вторая жизнь.

Провожая «АП» в странствие по книжным полкам, школьным партам, ученическим портфелям, чемоданчикам и папкам, мы старались, чтобы в нем сохранилось кое-что от газеты — стапеля, с которого сошел этот наш корабль, — и появилось нечто новое. Потому что теперь «АП» не газетная страница, а книжка! В ней ты заметишь пестрое разнообразие жанров и стилей, как в газете. И в то же время последовательность в подборе материалов, внутреннюю связь между ними, как в книге. И это, мы надеемся, даст читателю возможность поглубже подумать над тем, что уже знакомо по газете, к какому-то ее разговору вернуться снова. Книга пригодится, чтобы провести диспут в классе, найти аргументы для спора с товарищем, а может, и с самим собой, натолкнет на какие-то важные размышления о жизни. Каждый год у «АП» появляются новые читатели: миллионам ребят исполняется 16–17 лет. Всем им приходится заново открывать для себя мир. Вопросов очень много. «Алый парус» говорит со своим читателем о цели и призвании, об умении жить для людей, о трудностях роста, о сложностях характера, о любви, о дружбе, о человеческом достоинстве. Только что подросший читатель, впервые задумавшийся над этими вопросами, найдет в книге то, что его старший брат или старшая сестра находили в газете.

КАК СОЗДАВАЛСЯ «АЛЫЙ ПАРУС»

«АЛЫЙ ПАРУС! Кто ты? В каком классе ты учишься? Я хочу с тобой переписываться» — таких курьезных предложений наш «Алый парус», которому от роду всего два года, получил немало.

Отвечаем сразу всем: пожалуйста! «Алый парус» согласен вступить в переписку со всеми, кому он нравится и даже кому не нравится...

А чтобы ясно было, кому писать, расскажем, кто делает «АП» и как он делается.

«Алый парус» делаешь... ты, он живет твоими письмами. Приходит их по тысяче в месяц. Сидят в редакции люди, распечатывают конверты, время от времени вскакивают и говорят:

— Послушайте, какое интересное письмо!..

Его тут же читают вслух. Начинается яростный спор: ехать ли по нему в командировку, или тут же печатать, или позвонить автору. (А авторы иногда забывают указать не то что адрес, но даже и фамилию.) Тут еще кто-нибудь встает и кричит: «А это письмо еще роскошнее!..»

И все начинается сначала, пока из соседней комнаты кто-нибудь не прибежит и не спросит: «Что за шум, товарищи?»

А ему говорят: «Послушай, какое письмо мы получили!» И он тоже включается в спор.

В таком шуме и гаме появляются темы для статей, диспутов, обсуждений, карикатур, фотоснимков.

И вот уже курьеры несут толстые пачки писем известным писателям, отрывают их от романов и пьес. И вот журналисты рассовывают по карманам блокноты и вылетают в командировки. И вот уже безотказный художник «Алого паруса» Волик Арсеньев с задумчивой улыбкой разводит гуашь.

А в последний день перед выпуском очередного номера сума-тоха достигает высшего накала. С «во какими!» идеями прибегает Леша Ивкин. (Однажды его классная руководительница принесла в редакцию рулон стенгазет, которые Леша выпускал самолично. «Вы только почитайте!» — в гневе сказала она. Почитали — и еще не известный нам Леша был тут же принят в команду «Алого паруса».) Придирается к каждой заметке Лена Воронцова. «Это не в ритме “Алого паруса”, — ворчит она. Застенчиво вытаскивает общую тетрадь с двумя поэмами Алеша Дидуров. А тут еще сорок ребят из клуба ЮК при «Комсомольской правде», из которых двадцать вдрызг разносят еще не вышедший «Алый парус», а двадцать других горой стоят за него.

Беспокойная жизнь у «Алого паруса»!

Но она его не страшит.

И если ты, прочитав эту книжку, тоже захочешь написать нам, мы будем только рады.

Адрес простой:

Москва, «Комсомольская правда», «Алый парус».

Разговор-эпиграф Дружим с ветром

У моего друга — ярославского писателя Василия Бочарникова — есть совсем небольшой рассказ, который называется «С днем рождения, Кира!». С этого рассказа я и хочу начать разговор об «алом парусе».

Это было в девятом классе. Он часто вечерами провожал ее сюда, к дому на берегу Волги.

«...Скрипнула дверь.

— Кира! — в темноте шепотом позвал он. Она спрыгнула с крыльца, взяла за рукав.

— Мама, — голос Киры задрожал от обиды, — сказала, что рано еще тебе — мне, значит, десятикласснице — день рождения отмечать с кавалерами.

— А ты?

— Что я?..

— Ты сказала ей, что я работаю?..

— Она, Сережа, знает, что ты работаешь и учишься. Знает. — Кира нашла и погладила его шершавую ладонь.

И тогда Сергей, обиженный и горячий, прижал Киру к себе, поцеловал и почти бегом бросился к калитке, но вдруг остановился и пообещал громко возбужденным голосом:

— Я отмечу твой день рождения!.. И так отмечу, как... Вот увидишь!..

Кирина мать рано уходит на рынок — только-только забрезжит рассвет. А тут еще апрельское утро выдалось сырое, туманное.

Долго она ходила по торговым рядам Сенного рынка, запасая продукты получше на день рождения единственной дочери. Потом, довольная покупками, пошла домой. Вот и забор. Еще покойный муж ставил. Крепкий забор, даром что между тесинами руку просунешь. Она подошла ближе и остолбенела. На заборе крупные красные буквы. Прыгают в глазах.

— Ой, что же это такое?.. — Мать затрясла головой, закрыла глаза и, чего только не передумав за этот короткий миг, собралась с силами, снова открыла — и прочитала: «С днем рождения, Кира!»

На каждой тесине горела своя буква.

Первая мысль матери была: взять топор и сокрушить ползабора...

Но она не сделала этого ни тогда, ни после, когда спустя два года, выйдя замуж за лейтенанта Горохова, Кира уехала с ним на заставу куда-то в Заполярье...

— Приметный у тебя забор, Михайловна, — шутят иногда соседки. Она соглашается и задумчиво говорит:

— До сих пор ходит. Постоит, постоит и — на Волгу. А парень какой!..»

Серее было семнадцать лет. По-своему, по-мальчишечьи, он выразил свое понимание справедливости, право на самостоятельность. С точки зрения обывателя его поступок граничит с хулиганством. Но, конечно, это не хулиганство, а утверждение собственного отношения к жизни. А чего больше в этом характере — детства или взрослости, убежденности? Есть здесь и то и другое. И в этом прелесть, неповторимость того возраста, когда в человеке пробуждается воля, когда он сам вырабатывает в себе черты характера.

Вспоминаю свои семнадцать лет. Ходил я в школу мимо двора, где надо мной смеялись, что хожу пешком за восемь верст в школу. Вот, мол, чапает, чудак, по пыли, умнее других хочет быть. Лучше бы сапоги берег. И я берег сапоги. Одни были. Разувался и шел босиком, но всякий раз, приближаясь к этому двору, натягивал сапоги. Нарочно шел по лужам и грязи. Этим я хотел сказать, что не в сапогах дело. И сейчас я не смеюсь над собой за это мальчишечье упрямство.

Однако вернемся к Сергею. Один только поступок... А понимаешь, что парень уже поднял свой «алый парус жизни». Этот парус уже на ветру, и ему предстоит испытать на себе еще многие ветры: сильные, гудящие и боковые шквальные ветры и вихри, когда мачта будет гнуться и надламываться. Под парусом я подразумеваю жизненное кредо человека, его мечты, его устремления...

Каждому человеку предстоит поднять свой «алый парус». И от того, как правильно и широко будет развернут и поставлен этот парус, многое будет зависеть в дальнейшем. Чудесный «алый парус» — это не только романтика, приключения, не только мечты о необыкновенном, но и каждый будничные час молодой жизни. Человек поднимает свой парус, крепит и направляет его по ветру каждодневно, всякий раз в многочисленных своих побуждениях, поступках и отношении к окружающей жизни. Его парус набирает силу и тогда, когда он впервые приложит толику своего труда к труду многих, занятых другим делом, и когда он впервые признается в любви, и когда он сидит над книгой, и когда он, преодолев напускную ложную невозмутимость, посмеет прямо сказать о пошлости, цинизме, найдет в себе мужество схватить за руку хулигана, и когда он, слушая музыку, восхитится красотой звуков, ритмов... «Алый парус» никогда не остается без ветра.

Я не собираюсь поучать вас, ребята, пользуясь правом старшего. Об одном лишь я хочу сказать. Почему люди из поколения в поколение так много говорят о своих семнадцати годах? Почему о них поются лучшие песни? По-моему, не случайно: это веха в человеческой жизни. Это тот возраст, когда жизнь, как хлынувшие по весне потоки, устремляется к человеку со всех сторон бурным

натиском. Здоровье, энергия, знания, чуткость к прекрасному, жажда открытий, сердечная дружба, первые волнения любви, пробуждение осмысленного патриотизма и гордости за Родину — все это бесконечный и яркий мир юности, ее сказочное достояние. Какой огромный духовный, интеллектуальный скачок вдруг, словно бы сразу, происходит в ваши годы! Несите ваше неповторимое время. Держите выше «алые паруса». И очень важно понять, что вы уже не дети, что во многом вы сами должны воспитывать в себе красивого человека, советского гражданина.

«Алый парус», ты плывешь по волнам. Я смотрю и думаю. В детстве ты был бумажным корабликом. А теперь ты ощущаешь большую силу ветра. И даже шторм тебе по плечу. Теперь у тебя крепкие снасти. Счастливого тебе дальнего плавания!

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ, лауреат Ленинской премии

Сколько тебе лет?

Нет, мы не про метрики спрашиваем, не про паспорт. Однажды «Алый парус» проводил диспут: «Взрослые мы или дети?» Спорили четыре с половиной часа, до хрипоты. Оказалось, это не так просто — определить свой возраст.

Тебе столько, сколько ты успел сделать за годы, прожитые тобой.

Если ты созрел духовно, научился принимать решения и, что, пожалуй, самое важное, выполнять их, ты взрослее своих лет.

Возраст сказывается во всем: в мечте, в зрелости убеждений, в готовности совершить то, что, быть может, под силу только вполне взрослому человеку. Нам всегда больше нравятся люди, которые, если можно так сказать, точно «вписываются» в свой возраст. Неприятна инфантильность во взрослом человеке, но еще неприятнее нарочитое стремление казаться старше своих лет, опытнее, чем ты есть. Потому что это неестественно. А все неестественное в человеке отталкивает.

Есть люди, у которых вся жизнь ожидание. Томительное ожидание. Ждут, пока вырастут, и вот тогда-то — надеются они — и начнется настоящая, красивая жизнь.

Наверное, вот для таких людей и написал С. Маршак:

Даже по делу спеша, не забудь:

Этот короткий твой путь —

Тоже частица жизни твоей.

Жить и в пути умей.

Ты сейчас в пути — к взрослой, самостоятельной жизни.

Об этом — о времени взрослеть — мы поговорим в первой главе.

ГЛАВА 1

РОСТ

РАССЧИТАЙ ЗЕМНУЮ ОРБИТУ

— Чем вы собираетесь заполнить досуг в этом году? — спросил я десятиклассников.

Вот немного из многого, что они себе наметили:

— Разобраться в строении мира (от атома до Вселенной).

— Изучить Программу КПСС.

— Прочитать всего Макаренко.

— Систематически заниматься немецким языком.

— Улучшить тактику шахматной игры.

— Побывать на концертах Рихтера, Керера и Ойстраха.

— Познакомиться с основами логики и психологии.

Предполагают не только брать. Планируется и отдача:

— Привить сестре интерес к книгам.

— Провести подруг по любимым залам Музея изобразительных искусств.

— Уметь оказывать первую доврачебную помощь.

Оказалось, многим мало того, что дает школа.

Что дорого мне в каждом из этих ребят?

Они никогда не откладывают на завтра то, что можно сделать сегодня. И точно знают, что будут делать завтра. Намечают обычно больше, чем может вместить день: если случайно что-то отпадает — в запасе есть дела второй и третьей очереди. Требуют больше от себя, меньше — себе. Работают даже тогда, когда отдыхают. Для них не пропадет ни один разговор, ни одно наблюдение.

Но все ли таковы? Нет, глядя на класс, никак не скажешь, сколько голов — столько умов. Голов, увы, все-таки больше.

Так бывает: до шестого класса вроде все шло хорошо. Девочка учила стихи, таблицы, теоремы. Винегрет имен, цитат, разрозненных фактов до поры до времени выглядел знанием.

Тройки начались с истории: здесь мало помнить, надо понимать. Потом к истории присоединились математика и физика. Огорченная, но не спешившая взростеть девица невзлюбила учителей и предметы.

Пошлые пустяки стали заменять ей дело. Попавшаяся под руку книга, случайная встреча определяли занятия и настроения, превращая день в решето. Всем телефон экономит минуты, ей помогал растрачивать часы. Для одних телевизор — окно в мир, для нее — способ убить время.

Рыбак рыбака видит издалека. В классе образовалась компания, немногочисленная, но теплая.

День начинался вопросом: «Чего можно сегодня не делать? Где меньше шансов “засыпаться”»? У них не было увлечений: что спрашивали, то и учили. Люди «получали» среднее образование и не догадывались, насколько же оно «среднее»!

Стиль немногих стал поперек горла всем: пока учителя разжевывали лодырям прописные истины, класс сидел на голодном пайке. И однажды терпение лопнуло: их обозвали дураками. Они смертельно обиделись и взвыли: «Нас неправильно воспитывали!» Номер не прошел. Их подняли на смех: «Не так воспитывали?.. Сумей ответить за себя сам!»

«Сумей ответить за себя сам!..»

Человек меняется не вдруг. Но вскоре мы заметили в ребятах что-то новое.

Я преподаю литературу. И первое, что мне бросилось в глаза, — их сочинения. Та же самая девчонка, столько раз огорчавшая меня, в сочинениях которой были громкие слова, звонкие фразы и ни одной собственной мысли... И вдруг она заговорила — не сразу, как Цицерон, но по-человечески.

Я попросил ее взглянуть на прошлогодние сочинения.

— Зачем? Они же хорошие!

А взглянув, ахнула:

— Неужели мое? Да это же детский лепет!

Я не говорил бы об этом местами так зло, если бы не был убежден: то, как человек работает в школе, накладывает неизгладимый отпечаток на все, что он делает потом.

Когда начинается космический полет, радио сообщает, в какой школе учился космонавт. Приземлившись, герои благодарят учителей. И это понятно.

Но подлецы тоже кончали школу. Пеньковский — давно, валютчик Рокотов — недавно. Когда судили их, школы, где они провели десять лет, не потревожили: ведь тому, что они сделали, там не учили. Это верно. Но верно и другое: у них не оказалось убежденности, иммунитета к чуждым влияниям. И вот одни полетели в небо, другие стали его коптить. Ведь для полета (безразлично — в стратосферу или по земной орбите) нужны знания, совесть, воля. А кто обходится без них, пусть пеняет на себя. Пусть не вопит, если станет тошно (а тошно все-таки станет). Пусть не винит в своих неудачах весь мир: школу, семью, обстоятельства. Виноват только сам. Ему — семнадцать!

Сложите все минуты, потраченные вами в прошлом году на ответы на уроках. Хорошо, если в год набралось часа три. Неужели, потратив 180 минут в год, можно выучиться говорить? И сочинений, написанных вами за последние годы, недостаточно даже для тощего однотомика. Вот почему, когда отвечают другие, стоит прикинуть, как бы ответили вы. И, кроме сочинений для учителя, надо вести записную книжку, дневник. Без этого ни говорить, ни писать не научитесь.

Часто бывает, что последний в классе оказывается первым в кружке, на стадионе. Людей, безнадежных во всем, нет. В чем-то человек да силен. Пусть помогут товарищи от этого его увлечения перекинуть мостик к делам обязательным.

Ваши увлечения далеко выплескиваются за пределы расписания. Многие интересуются философией, политикой, экономикой,

эстетикой, кибернетикой. Почему же каждый из вас не вербует единомышленников и не тревожится, что школьные кружки так уныло-однообразны: рисование, хореография, рукоделие? Или и кружки рассчитаны на ленивых?

— Неоткуда взять руководителей!

Так ли? Ведь у каждого столько знакомых и близких, что с их помощью можно создать университет! Ваши родители, старшие братья и сестры, дедушки и бабушки, отдавшие десятки лет любимой профессии.

Пусть исчезнут «мероприятия», для которых аудиторию удерживает «богатырская застава» — директор, завуч и замок на раздевалке!

Оценивайте свое поведение сами. И ставьте «отлично» не за то, что в классе никто не совершил действий наказуемых, а за любознательность, поиски, помощь товарищам.

Не каждый создатель модели превратится в главного конструктора, не все письменные работы войдут в собрания сочинений. Но без школьного технического творчества будет меньше Туполевых, без творческих сочинений поредет Союз писателей.

Будущие творцы межпланетных кораблей прежде должны точно рассчитать свою земную орбиту.

С. ГУРЕВИЧ, заслуженный учитель РСФСР (Москва)

«ДА БУДЕТ ПРЯМО ДЕЛО ТВОЕ!»

ПИСЬМА

История этих писем такова. Однажды — это было еще до войны — киевская школьница Ляля Яненко прислала в «Пионерскую правду» рассказ. Рассказ не напечатали. Но Ляля получила письмо от сотрудницы редакции Елены Михайловны Ширман. Так началась их дружба.

В 1942 году Елена Михайловна погибла: фашисты казнили ее в одной из станиц под Ростовом. Но слишком яркой и щедрой к людям была эта жизнь, чтобы уйти бесследно. Остались стихи. Остались сказки, которые она любовно собирала: вторым изданием вышел в Ростове сборник «Изумрудное кольцо». Остались письма...

Ляля Яненко была не единственным корреспондентом Елены Ширман. Она переписывалась с Валерием Марчихиным, Таней Дудкиной, Ваней Папуловским, Мишей Васильченко и другими ребятами, которых она называла своими «литературными детьми».

Разговор о литературе неизбежно переходил в размышления о жизни. Елена Михайловна сумела стать для мальчишек и девчонок, многих из которых она никогда в жизни не видела (в том числе и Лялю Яненко), другом, человеком, с которым можно говорить о самом сокровенном.

После войны ее сестра разыскала Лялю Яненко и попросила вернуть сохранившиеся письма. И Ляля — теперь Елена Алексеевна Яненко — ответила так:

«Прислать их Вам не могу. Они больше чем дороги, больше чем святы. Могу лишь переписывать и отсылать Вам».

Письма к Ляле Яненко в сокращенном виде мы и публикуем.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

27.08.40

Привет, Ляля!

Не сердись на меня за суровую критику «Портрета»?..

... Знаешь, когда к Максиму Горькому пришел один начинающий писатель и спросил, стоит ли ему дальше заниматься литературой, Алексей Максимович сказал ему в ответ: «Молодой человек, гвозди бывают разной величины, маленькие, средние и вот такие (он показал пальцами вершка три). Так вот — знайте — путь литератора густо усеян гвоздями преимущественно наибольших размеров. Если вас это не пугает — решайтесь».

... Вот тебе несколько осетинских фраз¹. Поговорка: «Человек создан, чтобы создавать». Это очень мудрая поговорка.

Вот еще приветствие: «Да будет прям путь твой». Ответ: «Да будет прямо дело твое!» (Причем прямо — в смысле честно.)

Правда, хорошее приветствие?

ПИСЬМО ВТОРОЕ

3.10.40

... Влюбчивость (в книги, стихи, города) — вещь не опасная. В людей — это опаснее. Тут надо иметь чутье и не кидаться очертя голову.

... О системе чтения. Это сложный вопрос. Пожалуй, по беллетристике общая система такова:

1. Русские классики (Пушкин, Лермонтов, Толстой, Тургенев, Гоголь и т.д., Горький и др.).

2. Западные классики (Гете, Шиллер, Гюго, Байрон, Гейне, Стендаль, Бальзак, Диккенс, Флобер, Золя, Ибсен).

3. Русские современные (Шолохов, Фадеев, Леонов, Панферов, Паустовский, Катаев, Соболев, Новиков-Прибой и т.д.).

4. Западные современные — Франс, Роллан, Барбюс, Манн, Фейхтвангер, Голсуорси, Уэллс, Лондон, Синклер, Хемингуэй...

Тьфу, черт, да ведь я тебе университетскую программу даю, а ты еще в восьмом (да?) классе. Тебе это не по зубам... Хотя я в пятнадцать лет уже читала наравне со взрослыми. Ничего плохого в этом нет.

Любишь ты Дж. Лондона? Это один из моих любимейших. И еще Роллан — «Кола Брюньон» и «Очарованная душа».

Или Уитмен, «Листья травы».

¹ Е. Ширман собирала осетинский фольклор.

Это мои дорогие учителя.
Для начала вот тебе пять книг — из разных эпох и областей:
Гончаров «Обрыв».
Гюго «Собор Парижской богородицы».
Леонов «Скутаревский».
Лондон «Мартин Иден».
Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства».
Вот одолей их — и тебе многое в жизни яснее будет.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

19.10.40

... Мне кажется, что в конфликте с Зиной виновата ты, Лялечка. Тебе показалось, что Зина не хочет тебя видеть, на самом деле она просто не заметила тебя. Ты ей наговорила резких слов, ты обидела, теперь она на тебя дуется. А ты на нее... И вам обоим тяжело. Право же, все это чепушища.

Напиши ей письмецо, объясни, что тебе показалось, и вы помиритесь. И вам обоим станет легко и радостно.

Знаешь, у Валерия есть такие строчки:

«Весенним и высоким смехом
Серебряным — расхохочись!
Он лучший и вернейший метод
Познания чувств —
Смел, свеж и чист!»
Так вот и ты — расхохочись!

... Восьмой класс надо окончить обязательно! А потом — я бы на твоём месте пошла работать. Я лично с шестнадцати лет начала работать. Была чем угодно — и уборщицей, и прессовщицей на макаронной фабрике, и воспитательницей в детсаду, и библиотекарём. Потом — с двадцати лет — стала журналисткой, и эта работа стала моей основной специальностью.

Профессий очень много, каждая из них по-своему интересна. К чему у тебя особая тяга? К книгам? К медицине? (Нет, не думаю!) Если любишь ребятшек — будь педагогом (я на старости лет думаю взяться за педагогику...).

... Хорошие письма мне шлет Ваня из Свердловска. Он как раз хочет идти в трудрезервы, кажется, по железнодорожной специальности.

Вот это стойкий парнишка — просто прелесть! В шестнадцать лет без отца помогает матери вырастить пятерых братишек и сестренок, работает и учится заочно... Очень мужественный хлопчик.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

7.01.41

Ляленька!

Тебе грустно, тебе хмуро? И мне тоже. Ну-ка, дай сюда твои пальчики, я их спрячу в свои ладони, хотя они у меня тоже холодные...

Две холодные руки вместе все же будет теплее. Давай сядем рядышком и помолчим. Авось легче станет.

Ну вот, а теперь потолкуем, что и как. Пришлось бросить школу. Скверно. Но что делать? Надо перетерпеть. Пришлось поступить на курсы Союзторгучета. Придется быть счетоводом, потом бухгалтером. Скучноватая работенка, что и говорить. И все-таки — «из каждого свинства можно вырезать кусок ветчины». В каждой работе можно найти хорошие моменты. Изучай людей, типы.

... Ты спрашиваешь, что сие значит — «пессимизм». Это мрачный взгляд на жизнь, неверие в радость жизни. Оптимизм, наоборот, — бодрость, вера в лучшее будущее.

... Молодость всегда оптимистична. Это только я с детства (или с пятнадцати лет) была фантазеркой, и не довольствовалась обычной жизнью, и все хотела каких-то крылатых людей изобрести.

... Ванюша прислал мне письмо из ФЗО. У него большая радость — его приняли в ряды ВЛКСМ. Но загрузили его зверски: и редактор, и староста, и все что хочешь. Твое письмо он получил и готовится ответить. Но его смутил твой вопрос насчет любимых композиторов... ему стыдно сознаться, что он почти никого из них не знает (ох, я его тайну выдала, но это ничего...). Наверняка он тебе ответит. Между прочим, к нему письма идут из Москвы шесть-семь дней, а к Исайке — восемь-девять, так что не жди так быстро ответов. Им же, парням-то, надо с мыслями собраться, они не могут так — раз-два, тят-ляп — и готово письмо. Им хочется умно написать, интересно, чтобы не осрамиться перед далекой киевлянкой...

ПИСЬМО ПЯТОЕ

11.01.41

... Но есть просто очень плохие места, Лялинька². Просто фальшивые. Начало надо дать сдержанней, тоньше, не так обнаженно. Не надо так много слез. Знаешь, у мальчишек ведь иначе, чем у нас. Им может быть до вздыхания трудно, но они не плачут.

Вот я тебе расскажу один случай из моей жизни, который мне до сих пор непонятен. Слушай.

Я переписывалась с одним юношей очень долго и интересно... Однажды он прислал мне обычное милое письмо с шуточками, описывал своих друзей, свои любимые книги и вдруг — сбоку на полях — мелко-мелко приписал: «Леоча (он звал меня так), Леоча, можно мне на расстоянии тебя поцеловать — мысленно, на расстоянии, можно?..»

... Через два месяца я поехала в командировку и... заехала к нему. Дала телеграмму. Он встретил меня в одиннадцать часов вечера под дождем, на вокзале. Я ужасно стеснялась, с моей шапочки текла вода. Он тоже был весь мокрый, но улыбался мне своей всегдашней всемирной улыбкой, за которой ничего не поймешь.

¹ Речь идет о рассказе Ляли.

... Вечером он встретил меня возле кино, мы вошли в зал. Шла картина «Заключенные» — интересная, но я не смотрела на экран, а на его профиль — такой милый...

У него были какие-то конфеты в руке, он протянул их мне. Я взяла конфету, положила в рот, потом положила свою руку ему в ладонь. «Погрей», — сказала я шутливо. Он ничего не ответил, но рука у него сразу стала как деревянная. До этого она была теплая, а тут вдруг похолодела. Я отняла руку, и мне стало нехорошо и стыдно.

Мы вышли молча. Я не решалась смотреть на него. Проходя под фонарем, я почувствовала, что он смотрит на меня. Я оглянулась и обмерла — это было совсем не его лицо, чужое и страшное.

Вместо милой солнечной улыбки — какая-то презрительная кривая гримаса. Я торопливо попрощалась и ушла. На другой день он пришел ко мне днем в гостиницу как ни в чем не бывало — опять веселый и светлый, как всегда...

Ночью мне надо было уезжать...

Я собирала вещи, он помогал. Сели за стол, стали разбирать бумаги. Я показывала ему новые стихи, он мне — свою повесть. Потом он вдруг встал, походил по комнате и сказал странным детски жалобным голосом: «Ты уезжаешь? Ну как я без тебя теперь буду?..»

Я ответила, стараясь быть спокойной: «Очень просто. Как раньше, так и теперь будешь».

Он стоял посреди комнаты и смотрел на меня непонятно пристально. Губы сжал. Такой какой-то мучительный. Я протянула ему руку, он рванулся ко мне, но я спрятала голову у него на груди. Я не могла его поцеловать в губы, сама не знаю почему, хотя я мечтала об этом. Он целовал мою шею, волосы, но как-то застенчиво и неумело, потом вдруг вырвался и побежал к стенке и — ударился об нее затылком изо всех сил! Я ужасно испугалась, кинулась к нему, думала, он с ума сошел. Но он вдруг расхохотался, как ребенок, и произнес: «Она деревянная...» Я еще больше испугалась, о чем он говорит... (Потом уже на вокзале сказал мне, что удивился, что стенка не каменная, а деревянная.)

Ну, было уже поздно, надо было идти к поезду. Я успокоила его шутками и стаканом воды.

Мы смирно пошли на вокзал и больше ни о чем рискованном не говорили. После этого он мне полгода ни о чем не писал. Теперь мы опять переписываемся, но о произошедшем — ни звука. Вот и поди-ка разбери — что это было? Все-таки это не любовь, я уверена, а так — какой-то порыв. И все. Но я об этом человеке до сих пор думаю с какой-то болью и нежностью.

... Лелик, я пишу тебе, как моему юному другу, пожалуй, чересчур открыто, но я верю, что вреда в этом нет.

Целую тебя, сестричка.

Твоя Лена.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ*8 октября 41 г.**Ляль-Лель!*

Привет и добрые пожелания. Держись молодцом, сестренка! Подтяни вожжи! Брось хныкать! Надо стиснув зубы держаться бодрой до последней минуты.

Где же был Ванюшка? Где он сейчас? Он мне перестал писать — такая чушка.

... Мне тоже мучительно жаль Киева. Но слезами горю не поможешь. Надо держаться и верить, что мы отомстим за наши чудесные города, за наших чудесных людей... Эх, дали бы мне оружие! Как бы мне хотелось быть на фронте! Но я не на фронте, а на заводе. Это немного похоже. Грохот железа, дым и газ. Но, конечно, опасности нет. (Впрочем, мне разбили ногу железом, и я лежала шесть дней.)

Стихи я не бросаю. Пишу, даже стоя у моего резьбофреза. А руки в масле, в металле — страшные...

... Преодолевать, бороться, побеждать. В этом смысл жизни! А если придется погибнуть, то с улыбкой на своем посту.

Я тоже почти не читаю, только стихи. Ничего, в мирное время будем читать. Об этом я не горюю.

... Пиши, милая. Я тебя крепко люблю.

... Гудки, гудки... «По городу объявлена воздушная тревога»... И так каждый день. Но я привыкла. Мне не страшно. Только спать хочется, спать, спать...»

После ночной смены так трудно вставать...

Лялинька, милая, а все-таки жить стоит. Жить радостно.

«О, как радостно будет, братья,

На задымленных порохом ладонях

Виноградные взвешивать гроздья...»

Так, помнится, у Радуле Стийенского.

Ел.

ПОСЕВЕРНЕЕ, ПОВОСТОЧНЕЕ

Среди открытий, которые делает, вырастая, человек, два совершаются незаметно и, к сожалению, не всеми. Одно — что искусство может приносить наслаждение. Другое — что есть на свете радость общения с людьми.

Наташе посчастливилось. Ей было четырнадцать лет, когда в их седьмом классе появился Борька Пищугин — шалопай, поэт и музыкант. Наташа считалась его лучшим другом, то есть была тайно и безнадежно влюблена в него. Он читал ей стихи, слушал с ней Баха и терзал ее сердце доверительными рассказами о том, как он любит другую девчонку. Более благоприятных условий для пробуждения страсти к искусству не найти.

Второе сложное открытие она сделала в пятнадцать лет, в девятом классе. «Завязывается характер с тревоги первой за себя», — сказал поэт. «Мне надо определить, что я есть: существо

прежде всего мыслящее или чувственное?» — мучилась Наташа. Раньше она знала только один тип отношений: влюбленность. Влюблялась она во всех, независимо от пола и возраста. Ее мир был соткан из одних только чувств, и это сужало его. Теперь наступил перелом. Она стала подолгу разговаривать с одноклассниками и увидела, что никого вокруг себя не знает. Оказалось, можно со всеми говорить о жизни, о талантах, о будущем, о стихах, о музыке, о чем-то спорить, что-то выяснять. Открылось, что она может добиваться ни с чем не сравнимой духовной близости. Поругивая себя («зачем изливаешься перед каждым?»), Наташа за день успевала переговорить с десятью, пятнадцатью, двадцатью ребятами — с каждым о разном, и ей все было мало, мало...

Все это было замечено в классе. Нечто подобное переживали многие — такое время. Марина Бардиер была поражена умом Наташи. Марина — человек легко и сильно возбудимый. Два ее любимых слова — «ужасно» и «потрясающе». Люду Мороз поразило другое: она объявила, что у Наташи редкое равноправие прямоты и доброты. По наблюдениям Люды, обычно эти два качества соперничают между собой. Сложилась троица: Наташа, Люда, Марина.

Где-то в эту пору появился в школе Володя Столин, сердцеед, блестящий знаток литературы и истории, абсолютно пренебрежительно относящийся ко всем остальным наукам.

Ольга Кравченко, вечная отличница, публично заявила однажды, что, мол, двоечники не люди или что-то в этом роде. Неизвестно, имела ли она в виду именно Володю, но, когда в конце девятого класса выбирали новый школьный комитет комсомола, Володя припомнил ей эти слова и призвал всех голосовать против нее. Ольга была оскорблена: и тем, что кто-то что-то имел против нее, и тем, что впервые она оказалась не самой лучшей.

Но получилось так, что в комитет избрали и Олю, и Володю. Секретарем стала Наташа. Так они все нашли друг друга: Наташа, ее подруги Марина и Люда, Володя, Ольга, ее подруга Лида Чукаева и общий любимец Борис Пищугин, тот самый шалопай, который когда-то учил Наташу любить музыку. Летом после девятого класса они ездили в Ленинград, вместе отправлялись кататься на лодках в «Сыр-Бор» — Серебряный Бор, вместе сидели вечерами и пели песни под Борькину гитару. Создалось что-то вроде коммуны: в общий котел были брошены духовные богатства. Наташа вносила ум, начитанность и душевную щедрость, Люда — серьезность и «потрясающую» (по выражению Марины) требовательность к себе, Марина — бурную эмоциональность, Володя — активность и решительность, Ольга — деловитость и основательность, Лида — мягкость и задушевность (она скоро стала хранительницей всех персональных тайн; каждый приходил, когда была в том нужде, поплакать на ее плече), Борис — артистичность, утонченность. Они дополняли друг друга, и вскоре вышло так, что и дня не смогли бы друг без друга прожить.

Потом родители Наташи надолго уехали, в распоряжении «фирмы», как они шуточно называли свою семерку, оказалась квартира.

У каждого из них были свои истории, приключения, переживания, трудности. Но было место, куда все это можно было принести, все рассказать, обсудить, получить свою порцию утешения, одобрения, порицания, заботы. И самому проявить заботливость, дать совет, помочь.

А что еще нужно человеку?

Еще человеку в 16–17 лет — для полноты счастья — нужна бурная деятельность. Собственная жизнь, собственный характер — их хочется переделывать, переламять, разбирать на части и рассматривать: а что там внутри? А как все устроено?

Сначала увлеклись работой в комитете. Наташа носилась по школе с идеями самоуправления; Марина — она тоже была в комитете — издевалась над ней, уверяя, будто ей слишком уж нравятся лавры секретаря. Володя ругал обеих: Наташу — за отсутствие организаторских способностей, Марину — за ее насмешки. Сам он вместе с бывшим «врагом» Олей Кравченко нашел свое место в редколлегии школьной газеты. Скоро газета «Комсомольская юность моя», а попросту «КЮМ», стала заметным явлением в школе. У каждого номера толпился народ. Редколлегия заседала ежедневно и часами — не потому, что так много было дел, а просто не хотелось расходиться. Все, что связано с Володей, всегда принимает характер значительности, «центральности».

Тогда-то Володька и явился к ребятам с идеей: окончить школу в один год. Сдать экзамены экстерном — в конце десятого класса, а потом уехать куда-нибудь... посевернее и повосточнее.

Экономить год — это не могло не увлечь «фирму». У всех были свои планы на жизнь. У одних определенные — поступить в какой-то институт, у других неясные. Но каждому нужно, чтобы жизнь была значительной...

Им сейчас по семнадцать-восемнадцать, но они увлекаются философией, шлют друг другу письма по поводу статьи в «Вопросах литературы», спорят из-за того, что Шопен кажется Борьке слишком изысканным.

И какая-то новая, еще не исследованная, вот всем этим обогащенная жажда жизни, торопливость, нетерпеливость гложет их.

Так решено было попробовать свои силенки, свой характер; подготовиться и сдать экзамены за год. Наташе было проще, она всегда училась хорошо. Володя безнадежно отставал в математике, физике, химии, английском. Но у него была «теория великого хотения»: надо очень захотеть, и все получится.

После того как решение было принято, они целых три или четыре дня занимались. И даже по утрам вместе делали зарядку (какая новая жизнь не включает в себя зарядку?). Так как командовал Володька, то девчонки вскоре буквально падали от усталости. Од-

нажды Наташа пропустила эти физкульт-истязания и вдруг поняла: какая жизнь хорошая! И вот с зарядкой покончено, с занятиями тоже. В нескольких дневниках появились горестные самоуничижительные записи («На что мы годны?»), и потекла нормальная жизнь. Володька лежал на диване и «хотел» (не совсем, правда, понимая, чего именно), но видимого толку от этого не было.

Тогда бросились в другое: в самообразование. Кажется, не было в Москве курсов и университетов, куда бы они не бегали: в Дом кино на цикл лекций, в университет молодого марксиста, университет музыкальной культуры, еще куда-то... Они возвращались поздно ночью; их ждали скандалы; мама Люды Мороз прямо-таки возненавидела «фирму» и однажды строго-настрого запретила дочери уходить вечерами. На следующий же день Люда сбежала на занятия — потом она долго не решалась переступить порог родительского дома; Володька ходил с ней по ночным переулкам, утешал, успокаивал, подбадривал.

В январе прошлого года, надоевши самому себе, потому что вот он все говорит-говорит, а ничего не делает, Володька объявил, что бросает школу, идет работать дворником и все-таки будет сдавать экстерном... В этом же году, непременно!

Он решил доказать, что человек все может... На одной из лекций в университете молодого марксиста он услышал, что если человеку интересно учиться и если он изучает предмет не по часу в неделю, как в школе, а подряд — так, что может видеть его во всем объеме, установить связи между отдельными его частями, — то он, человек, в состоянии выучить что угодно, будь то самая проклятая алгебра или тригонометрия.

Все это было увлекательно, но опять ничего у него не вышло. Всеми правдами и неправдами родители с помощью директора усадили-таки его в школу.

Лишь в начале апреля, когда, казалось, и думать о том, чтобы сдавать в этом году экстерном, абсолютно безнадежно, Володя и Наташа окончательно решились.

Это был День великого решения, как сказал Володя.

Как они занимались! По расписанию, ими составленному, выходило — надо сидеть по восемнадцати часов в день.

Понять, что значит просидеть за книгами восемнадцать часов подряд, может только тот, кто это сделал хоть однажды.

После того как человек совершит это, он чувствует такую гордость, что ему все остальное в жизни представляется пустяками.

Они сидели изо дня в день. Кружилась голова, перед глазами шли крути, ломило тело. Особенно трудно приходилось Володе — раньше он вообще-то не знал, что значит заниматься: «мозги были не разработаны». Но — великое хотение. И великое решение. Прибавьте к этому, что каждое утро он появлялся перед школой с метлой в руках — зарабатывал необходимую для экстерната справку.

Вся семерка была поставлена на ноги. Деньги, которые родители оставили Наташе, она быстро растратила на книги. Марина, Люда, Ольга, Лида и Борис таскали из дому — кто деньги, кто «натурой».

Энтузиазм был настолько велик, что Володька стал убеждать еще одного десятиклассника, Сашку Сергеева, сдавать вместе с ними. Оставалось всего три недели. Володя произнес четырехчасовую речь. Наташа хохотала. Сашка сидел, подавленный поставленной перед ним дилеммой: человек он или не человек? Если человек — должен пойти и сдать эти экзамены, ибо человек все может. Сашка провел ночь в страшных мучениях и наутро пришел заниматься...

В конце мая, когда до решающего момента оставалось лишь несколько дней, все рухнуло.

У Наташи не оказалось справки с места работы. Ее не допускали до экзаменов.

Володька позвонил девчатам и велел бежать к Наташе домой. А сам объявил, что не вернется, пока не найдет выхода.

Он появился поздно вечером сияющий. Нашел: назавтра Наташа должна была выйти на работу в бактериологическую лабораторию. Таскать анализы.

— Ты колоссальный человек, Вовка, — сказала Наташа.

Потом были экзамены. Первый — сочинение — сдали на пятерки (кроме Саши), и это окрылило. Газета «Молодой экстерник», которую Люда выпустила на квартире у Наташи, вышла с аншлагом: «Даешь экстернат без троек!»

Это не было пустым бахвальством. Они занимались очень добросовестно. И неизвестно, что тут действовало: то ли интерес, то ли те самые «связи», о которых рассказывал Вовка, то ли азарт, но когда они впоследствии — любопытства ради — стали сверять свои знания со знаниями одноклассников, то оказалось, что их приобретение основательнее и глубже...

Экзаменов было тринадцать.

Утром Наташа отправлялась в лабораторию, Володя — мести школьный двор. Вечером сдавали. Ночью занимались. И так — месяц. Наташа не получила ни одной тройки. Володя — всего несколько штук. Сашка — одну переекзаменовку на август.

Сдали. Доказали, что они люди, элементарные люди. Не кому-нибудь, просто себе доказали, а значит, целому миру.

Выпускной вечер был грандиозным. Шампанское. Цветы. Все кричали «ура». Потом отправились на Красную площадь; она была полна выпускников. Но Володя чувствовал свое превосходство над всеми, и потому им с Борисом понадобилось забраться на колокольню Василия Блаженного и звонить в колокол. Предприятие кончилось вполне благополучно — обоим удалось убежать от возмущенных милиционеров. Домой добирались поодиночке, а собравшись, веселились, и пели, и мечтали, и чувствовали себя счастливыми.

Договорились: Наташа, Володя и Боря едут на Диксон. Достаточно северно и достаточно восточно.

Для чего понадобилось им уезжать из Москвы? Трудный вопрос.

Посмотреть жизнь?

Почувствовать, каково в шкуре взрослых?

Избавиться от родительской опеки?

Получить на что-то права в жизни?

Да, очевидно, так. Но главным было другое.

Сдавали экзамены трое: Володя, Наташа, Сашка Сергеев. Но Сашка не прижился среди них. Он сдал, он совершил даже большее геройство, чем Володя и Наташа (за три недели подготовился!), и все же он не был признан «своим».

Сдать не так уж трудно. Для чего сдать — вот вопрос. Сашка — попросту: на год раньше поступить в институт. Разве плохо? Не плохо. Но... как-то приземленно. У ребят были более сложные намерения.

Хотелось самим построить свою жизнь, память ее собственными руками. Мысль о гладкой жизни в семнадцать лет кажется отвлеченной, вызывает ненависть. Гладкая — значит, школа — институт — приличная работа — семья... — «обыватель со знанием языков». Что в эту схему может укладываться вовсе не такая уж «гладкая» жизнь, об этом семнадцатилетние не задумываются. Это представляется пустой отговоркой, тонкой хитростью приспособленцев.

Пусть нам будет хуже, но мы — сами. Мы будем сами месить свою жизнь, понимаете? Нам не очень нравится, как живут иные из окружающих; мы попробуем как-нибудь по-другому. Чище. Более страстно.

Они не торопились побыстрее приткнуться куда-нибудь: в институт ли, на завод ли. Они не боялись за себя. Они все могут, если захотят. Торопятся жить и не торопятся пристраиваться к жизни.

Но обстоятельства бывают сильнее человека. Наташа уехать не смогла. Заболел отец. Она опять впала в отчаяние. Володя, чтобы не предавать ее, тоже остался в Москве. Не знаю, оценят ли этот его подвиг товарищества. Согласиться выглядеть в глазах друзей и в своих собственных глазах треплом, чтобы не доставить другу огорчения... Это было трудное решение. Володя тосковал. Борис мучился вместе с ним. Оказалось, что говорить и мечтать легче, чем на что-нибудь решиться.

Когда Наташа несколько примирилась со своей участью, Володя неожиданно и тайно от всех — разговора он больше не смог бы вынести — уехал в Мурманск.

Оле Кравченко удалось попасть в студенческий целинный отряд.

Потом решила Марина. Поняла: ей нужна физическая работа, тяжелая, пусть даже очень тяжелая, Зачем? Просто ей тоже надо было испытать свой характер.

Взяла рубль и ушла.

Бабушка сострила на прощанье:

— Иди в зоопарк! Там тяжелая работа!

Марина пошла в зоопарк, устроилась чистить клетки обезьян. В мае она экстерном сдавала экзамены на аттестат. Она тоже отвоевала у жизни год...

Володька здорово намучился там, в Мурманске, пока устроился на работу и в общежитие. Он ввел новую единицу: «Один начальник/раз» — один заход в кабинет к очередному начальнику... Таких «единиц» были десятки. Устроился слесарем в порт.

Настроение поднялось. Почувствовал себя «делателем», как он юмористически сообщал в письмах. Юмор юмором, но он понял: главное в жизни — дело, оно критерий всего, хватит болтать, надо делать дело...

Наташа поступила на работу и пошла заочно учиться.

Люда, Оля, Лида кончают сейчас школу. У них свои, очень интересные планы, и им — все так решили — досрочная сдача была бы во вред, а не на пользу.

Володька в каждом письме звал к себе Бориса Пищугина. Борис не внял: завербовался грузчиком в бухту Тикси.

Он не поехал к другу потому, что хотел полной самостоятельности — даже от Володьки. Чтоб ни за чьей спиной, чтоб никакой поддержки! Девчонки расстроились: «Борька, он же такой слабенький, что с ним будет?» Но ему надо было поверить в себя. И конечно же, ему еще надо было уехать посевнее и повосточнее, чем Володьке.

Человеку обязательно надо кого-нибудь обогнать, пусть раз в жизни, но так, чтобы можно было этим хоть втайне, да гордиться. Тогда он будет чувствовать себя человеком. Элементарным человеком.

С. СОЛОВЕЙЧИК

ДО ВСТРЕЧИ, ТУНДРА!

НЕЗАБЫВАЕМАЯ «ОДИССЕЯ»

десятиклассника САШИ ВОРОНИНА

Недавно я был в гостях у одного своего товарища. В комнате, кроме хозяина, был незнакомый мне человек. Оказалось, что гость по профессии геолог. А геологи всегда начинены разными любопытными историями.

— Хотите, расскажу вам про одного мальчишку? С шестого класса он решил стать геологом... А вот нынче месяц провел один в тундре...

Через несколько дней я встретился с Сашей Ворониным, десятиклассником новосибирской школы № 56. Да, все оказалось так, как говорил геолог. В пятом классе Саша стал заядлым туристом. В шестом — увлекся геологией. В девятом — поехал рабочим с

картографической экспедицией. В следующее лето с нефтепоисковой группой геологов отправился в тундру, на Таймырский полуостров.

Я спросил Сашу, не осталось ли у него каких-нибудь записей тех дней. Он, поколебавшись, протянул мне коричневый обтрепанный блокнот. Сашины родители передали мне его северные письма, которые мы также публикуем с его согласия.

А. ЛИХАНОВ
Новосибирск

ПИСЬМО ПЕРВОЕ. Из Игарки

9 июля.

Сегодня шестой день сижу в Игарке. Доехал отлично. Ехали вторым классом. В Игарке еще холодно, на берегах Енисея лежат огромные глыбы льда.

У меня первое время от работы болела шея (странно), а так самочувствие отличное. Погода тут поистине мерзкая, но везде живут люди! Ночи нет, круглые сутки день; ночью ко мне, если погода, что крайне редко, заглядывает солнце.

Познакомился тут с одним парнишкой, Володькой. Он ничего человек, только чуточку самоуверенный, но часто теряется, и настроение у него — швах. Тут много парней моего возраста, и я вижу, что они делятся на две категории: чувствующие новые, непривычные вещи — люди, так сказать, с трепетом, и есть такие, что ничего возвышенного не чувствуют. Вторым легче, но они не поймут аромата такой жизни. Ну, а я эту жизнь ни на что не променяю.

Не горюй, мама! Сын твой выходит в жизнь, сегодня он получил первую зарплату — 44 рубля! Жизнь тут без вас очень тосклива, очень хочу вас увидеть.

ПИСЬМО ВТОРОЕ. Из Норильска

14 июля.

Здравствуйте, нехорошие! Что же это такое?! Где же ваши письма? Я каждый день хожу на почту, меня там уже в лицо знают, а писем все нет и нет. Так вот, последняя вам новость: дней через семь-десять, а может, и раньше я улетаю на Фокино, в тундру, откуда писем может не быть. Так что пишите в срочном порядке «авиа», только «авиа». Дней восемь мы уже по-настоящему работаем: девять-десять часов. Описываем скважины, а это значит — ворочаем ящики килограммов по сорок, затем замеряем трещины. Куда интереснее бродить по горам, вне всякого сравнения! Но назвался груздем — полезай в кузов! По вечерам играем в дурака против начальников. Я и Володька. Нарушаем субординацию. Но, проигрывая, начальники наши не обижаются.

Погода в эти дни стояла отличная, я хорошо загорел, тут люди даже удивляются, как загар ко мне здорово пристает. Купаемся. Даже непохоже на Заполярье.

КОРИЧНЕВЫЙ ОБТРЕПАННЫЙ БЛОКНОТ

10 августа. Вчера все полетело к черту! С утра сидел на керне, день был солнечный и теплый, комары, присмирившие за время дождей, снова начали свое черное дело. Вдруг летит вертолет. Я выскочил на пригорок. «Садись, — кричу, — вертихвост!» Он взял да и сел. Выскочил летчик, сует моему начальнику Замятину телеграмму. Он прочитал, показывает мне: «Немедленно вылетайте Новосибирск несчастье женой».

— Что будем делать, Саша? — спрашивает. А летчик его торопит:
— Садитесь. Вещи брать будете?

А как их брать, если большая часть — на другой точке? Я Замятину говорю:

— Вы летите домой. Если дома что-нибудь серьезное, пришлите телеграмму, если работы надо свернуть, я сделаю. А пока останусь, нельзя же все бросать.

Договорились, что он вернется 20-го. Замятин улетел, а я остался один. Сейчас я должен перенести все вещи с этой точки на другую. Осмотрел наше имущество. Килограммов сто тридцать — сто сорок с образцами. Поел, попил, а тащить все это как-то неряшливо.

Уже вечерело. Стянул приличный такой тюк. Но тюк был еще тот! Тысяча двойных шагов — десять минут отдыха. Еще тысяча — еще десять минут. Из пункта А в пункт Б... Первая задачка из геологии.

Еще тысяча, еще немного — я дома. Втаскиваю в палатку тюк. Перевожу дыхание. Глажу рукой свой тюк, будто человека. Он теперь мне вроде родственника. Снова в дорогу.

Я не вижу ничего вокруг, в голове одно: только бы донести. С носа капает пот вперемешку с антикомарином. Я судорожно всхлипываю и глотаю противную горечь. Последняя тысяча шагов...

12 августа. Дождь, дождь, дождь... Дрова промокли и к тому же кончаются... С трудом вскипятил чай. Работать нельзя. Грызу сухари, запиваю сгущенкой и читаю единственную книжку — «Советы врача геологу».

Если полезешь наружу, сердце сразу охватывает тоска: один, до людей далеко. Позабыт-позаброшен... Но жалею ли я в этот скверный день, что решил стать геологом?

Что мне очень нравится в геологии? Я встречал здесь людей, чьих трудности подавляют, которые в городе считаются героями, а тут оказываются растерявшимися мальчишками. Геология срывает со всяких показушных «героев» маски. Она делает людей сильными.

19 августа. Вот так штука! Прилетел вертолет и высадил группу ленинградцев. Теперь я работаю с ними. Делаю ту же работу, что и с Замятиным. Сегодня они перебрались на ту точку, где началась моя «одиссея». Я теперь с ними — не хочется расставаться с людьми, да и они очень просили. Я сначала отказывался, так начальник их на правах старшего прикрикнул.

25 августа. Не знаю, радоваться мне или грустить. Ленинградцы улетать собралась, а мне пришла телеграмма: «Выслан человек для работы с Ворониным». Раз человек выслан для работы, надо ждать. Я остаюсь. Воронин — ведь это я! Какой день я сегодня в тундре?.. Тридцать шестой! Один живу шестнадцать дней. А дома меня не было шестьдесят четыре дня. Честно говоря, соскучился по своим. Но ничего — я вернусь! И буду глядеть на людей с веселым превосходством: как же, я был в тундре. Пойду в баню, в парикмахерскую. Э-э-э! Да что говорить!

27 августа. Я снова один. Ко мне пока никто не прилетел. Но — не вешать носа! Раз не шлют так долго человека — значит, верят в тебя и в то, что ты выдержишь, не расклеишься. Знают, что в шести километрах есть буровая, люди. Но идти к ним — значит остаться без дела. А мне хочется работать, работать...

ЕЩЕ ОДНО ПИСЬМО

Милая Танюша! Возможно, это письмо никогда не будет отправлено, но не написать тебе не могу. Сегодня двадцать третий день моего пребывания в тундре.

Она мне все больше нравится. Суровый, но, если так можно сказать, незлой край. Равнина, покрытая толстым слоем зеленоватого мха, карликовая березка, множество небольших озер, кое-где на возвышенностях одинокие лиственницы. И ветер. Он тут не утихает. Когда надвигается дождь, тундра мрачнеет. Черная равнина с черными озерами, черными лиственницами и светлое-светлое небо с ослепительно белыми облаками. Все как на картинах Кента.

Конечно, тундра — это не только охота и рыбалка, но еще и работа. Странно, чем труднее, тем ближе тебе земля.

И СНОВА ОБТРЕПАННЫЙ БЛОКНОТ

31 августа. Ура, вертолет! Радовался зря: прилетели геологи другой организации. Увидели меня, удивились: неужели один? Угостили их соленой рыбой собственного изготовления. Едят, аж за ушами пищит.

С одним из моих «гостей» — Толькой, почти ровесником, ходили охотиться. Утки собираются в стаи, понемногу улетают. Останемся мы, да гагары, да песцы...

1 сентября. Сегодня мои друзья идут в школу. Они посидят часа три в классе, а потом чистые, в вечерних костюмах и остроносых туфлях будут бродить по осеннему городу.

— А где Сашка? — спросит кто-нибудь.

— Сашка? Он у белых медведей.

И они на минутку замолчат.

Здесь нет белых медведей. Здесь просто тундра, и посреди нее сидят трое. Я один из них. У меня сегодня двойной праздник — 1 сентября и я не один.

— Толя, заводи блины, — говорю я, доставая муку.

В палатке жарко, на столе гора блинов. Я свертываю один из них в конвертик и говорю:

— За первое сентября.

Что-то охрип немного. Ребята смотрят на меня с задумчивым интересом. Они геологи, а я школяр. Только сейчас, наверное, они понимают это. Минуту назад я был для них просто Сашкой, рабочим геологической партии.

— Да, да, конечно, — говорят они, — за первое сентября.

Говорят так, будто у меня день рождения. А может, и правда это мой день рождения?.. Запомню-ка я этот день. Моросит дождь. Тундра веет зимой. Костер. Недалеко лежат мои образцы.

Женя, сидя на нарах, что-то рисует. Он недавно окончил университет. Женя — хороший ходок и ясная голова, а это у геологов очень ценится. Парень Женя веселый, даже работая, он напевает какую-нибудь песенку. Ему не везет — дожди мешают, и он не укладывается в график. Женя немного нервничает. Это его первая крупная работа. Сегодня Женя что-то грустит.

— Что рисуешь, Женя?

— Жену. — Он смущенно улыбается.

— Красивая у тебя жена...

2 сентября. Если дождь до завтра не прекратится, мы натянем тент и все-таки будем работать.

Я вот часто думаю в эти дни: где-то за сотни километров горит огнями город. На руднике начинает работу третья смена. В кафе, отряхиваясь от дождя, входит веселая компания. По улицам, разбрызгивая лужи, бегут автобусы. Город живет. Тридцать лет назад в палатке сидели люди. Они проклинали комаров, холод, дождь. Грустили о друзьях, о женах, о комфорте, наконец. Потом они ушли, а на этом месте вырос город. Норильск.

5 сентября. Пишу в вертолете. Прилетели за мной. Тундра уходит вниз, холодная, неприветливая, суровая, дорогая тундра. Я смотрю туда, где стояла моя палатка, где я, кажется, целую вечность прожил. Точка на зеленом мху становится все меньше.

Прощай, тундра!

Нет, до свидания!

ВАЛЬКИНО ЛИЦО

Сначала — письмо. Вот оно:

Рука не подымается писать тебе письмо, хотя в душе что-то обязывает, заставляет: «Она должна знать все до конца. Ведь ты любишь ее». А должна ты знать следующее. Со мной произошло несчастье: в данный момент я урод. Лицо очень сильно изуродовано.

Все произошло на работе в ночь с 18-го на 19-е, около 4 часов. Наш начальник допустил оплошность в работе. Через люк на емкости пошли пары (это было 1–2 сек.), затем начал разбрызгиваться гидролизат. Его температура 60–80 градусов. Это не страшно, но в его составе большое количество HCl — соляной кислоты.

Все разбежались кто куда. Первыми в себя пришли я и Павлик. Без фартуков, противогазов, перчаток мы бросились к емкости, и он закрыл вентиль с реактора на емкость, а я открыл другой — на материальную линию. Удивительно, что ни Пашке, ни мне гидрозат не попал на руки. Ему попало на лоб и нос, мне же пришлось хуже.

Я думаю, что все обойдется. Но мама очень волнуется, боится, чтобы не осталось на всю жизнь. Первое время только плакала, а теперь кричит: «Тебе всегда больше всех нужно!»

Но разве это так? Если б на работе узнали об этом случае, то для нашего начальника все это закончилось бы плохо. Его могли бы даже судить.

Если ожоги оставят серьезные последствия, то придется забыть о многом. В первую очередь — о тебе и институте (театральном). Кому нужно изуродованное лицо?

Но я держу хвост пистолетом. Сейчас выгляжу как пятнистый олень.

В лесу у нас хорошо. Как осенью...

Валька

Письмо «Валькино лицо» было опубликовано в девятом выпуске «Алого паруса» за 1964 год.

Сотни ребят, читателей «Алого паруса», безоговорочно назвали Валькин поступок подвигом. Вот строчки из их писем: «На таких, как ты, Валька, стоит наш мир...»; «Выходит, чтобы стать Человеком с большой буквы, не обязательно иметь за плечами много лет. И понять это мне помог ты, Валька!»; «Я бы назвал заметку об этом мальчишке так: “Лицо героя”»...

Но было и другое письмо — письмо девятнадцати ребят из города Махачкалы. Приводим его полностью.

ПОДВИГ! НЕТ, ОШИБКА!

Нас очень взволновала заметка «Валькино лицо». По нашему мнению, поступок Вальки — большая ошибка.

Настоящий герой лишь тот, кто рискует жизнью во имя спасения людей, во имя какой-то большой благородной цели. Валька же совершил этот поступок, пытаясь скрыть, как это видно из письма, халатность своего начальника. В том, что Вальке придется отказаться от мечты стать актером, от любимой девушки, виноваты те, кто привил ему неправильное понятие о подвиге.

Мы не понимаем людей, которые бросаются в огонь, спасая оборудование, ныряют в ледяную воду, спасая трактор. Это просто глупцы. Они не знают настоящей цены человеческой жизни. В «Дагестанской правде» была заметка о том, как молодой колхозник утонул, пытаясь спасти во время наводнения колхозную муку. Если бы спасенная им мука могла вернуть жизнь людям, тогда его поступок можно было бы назвать подвигом, а в данном случае

смерть его была бессмысленной и глупой. Мы считаем, что нельзя равнодушно смотреть на гибнущую машину, горящее здание и т.д. Долг каждого человека — приложить все силы, все умение для спасения народного добра. Но это не значит, что надо рисковать жизнью, своим здоровьем, потому что можно построить новое здание, вырастить хлеб, а жизнь человека не вернуть. Человек, который потерял руку, спасая автомобиль, мог бы принести обществу гораздо большую пользу, чем он принес своим необдуманном поступком. В нашей стране не должно быть места таким поступкам, так как забота о человеке, о его жизни у нас стоит на первом месте.

Конечно, похвально, что ты, Валька, не падаешь духом, «держишь хвост пистолетом», но мы уверены, что когда-нибудь ты поймешь, какую большую ошибку ты совершил.

М. Худоев, П. Сулимов, В. Везилов, Р. Иношин и другие ученики 11-х классов, всего 19 подписей.

Столкнулись два взгляда на Валькино «безумство». Правда, ребята из Махачкалы, как принято говорить, находятся в явном меньшинстве. Но никогда истина не определялась числом поданных за нее голосов. Возник спор, и надо было его довести до конца.

«Алый парус» решил посоветоваться со своими друзьями. В Голубой зал редакции пришли Герой Советского Союза, в недавнем прошлом летчик-испытатель, Григорий Александрович Седов, инженер завода имени Лихачева Михаил Гилис, библиотекарь Ирина Линкова, группа педагогов и учащихся московских школ.

Взрослые и ребята по предложению «Алого паруса» составили своего рода «конфликтную комиссию». Ей предстояло выяснить, в чем правы и в чем неправы авторы «письма 19-ти».

Итак, слово друзьям «Алого паруса».

Наташа Брудно, 67-я школа. Я не согласна с мыслями махачкалинских ребят, за исключением одной: жизнь человеческая дороже всего на свете. Особенно дорога она сейчас, в наше прекрасное время.

Вальке некогда было раздумывать, опасно или не опасно ликвидировать аварию. А если бы он раздумывал, все взвешивал, как предлагают эти ребята, то тоже, пожалуй, убежал бы из цеха в момент аварии. Но в нем сработал инстинкт благородства, присущий многим нашим людям. Он пострадал, и уже за одно это мы должны дать самую высокую оценку Валькиному поступку. Он выходит за рамки обычных. Это подвиг, героизм.

Саша Блантер, 18-я спецшкола-интернат. А я бы не стал называть поступок Вальки из ряда вон выходящим. Он остался в цехе, когда случилась авария, а остальные убежали. То, что сделал Валька, в порядке вещей, а вот бегство остальных — действительно из ряда вон выходящий случай.

Алеша Дюков, 123-я школа. Но надо различать, где подвиг, а где лихачество, где трусость, а где благоразумие. Я против того,

чтобы не раздумывать, прежде чем на что-то пойти. Надо уметь рассчитать пользу, так сказать, рентабельность своего поступка. Утонул трактор? Ну что ж, пусть полежит до весны, пока лед не сойдет. Ничего с ним не случится, и человек будет жить.

Наташа Кашеницкая, люберецкая школа № 6. И все же называть глупцами людей, которые самоотверженно бросаются в огонь, воду, не успев все обдумать, неверно. В этом я вижу главную ошибку авторов письма. Они хотят сказать, что человек не должен совершать незначительных поступков, он должен беречь силы, чтобы совершить что-то большое. Ну, а если бережешь, бережешь — и все-таки ничего не совершишь? Между прочим, «рентабельность» иногда становится щитом для трусов, эгоистов, равнодушных. Дескать, подожду, пригожусь людям в будущем. И проходит мимо горящего дома, тонущего человека.

Ирина Линкова, работник детской библиотеки имени Сурикова. К письму ребят из Махачкалы у меня двоякое отношение. Чем-то оно мне симпатично и чем-то несимпатично.

От него нельзя отмахнуться, как от письма трусов, которые научились весомым словам. Трусы они или нет — не нам решать. Письмо для этого — недостаточный аргумент.

То, что написали эти мальчишки, — знамение времени. Сейчас те, кому 16–17 лет, желают задуматься и взвесить, с одной стороны, мир, а с другой — себя, найти точку, в которой установится равновесие. Им чуждо чувство слепого, неосмысленного долга. Сейчас для того, чтобы не просто поверить в построение коммунизма, а пожертвовать, может быть, жизнью ради его победы, необходим значительно более широкий и свободный взгляд на мир, чем, скажем, десять-пятнадцать лет назад. Мальчишки, написавшие это письмо, хотят предусмотреть разумные, конкретные результаты жертвования, если оно вдруг понадобится. Я, как и они, не верю в красивые поступки, я больше верю в необходимость того, что человек делает. Вот почему я на сто процентов приветствую их стремление осмыслить окружающий мир.

Письмо удивительно современно и в другом смысле. В нем отразились и радости нашего века, и его сложности, противоречия.

Возникли новые науки, открывшие новое, необыкновенное совершенство человека, его почти безграничные возможности. Умные, готовые выполнить любой наш приказ, оберегающие нас от многих опасностей машины все глубже проникают в труд и быт. Все это как бы повышает цену человеческой жизни в наших глазах. Но иногда мы, люди, начинаем перекладывать на машины часть своей, неотторжимой от нас ответственности «за все, что происходит при нас. Это стремление подспудно присутствует в письме из Махачкалы.

Да, приравнять себя, живого, такого прекрасного, все-таки более совершенного, чем любая машина, к материальным ценностям очень трудно. Если подходить к подвигу с этой точки зрения, то

ничто на свете нас не стоит. Но вот когда люди начинают прикидывать, на что можно себя израсходовать, а на что нельзя, есть в этих расчетах какое-то кощунство. Эти-то расчеты в «письме 19-ти» мне глубоко несимпатичны. Я согласна: жизнь дороже всего. Но невозможно подсчитать ее стоимость. И, отвечая Наташе Брудно, попутно скажу: никогда не было такого времени, когда бы жить хотелось меньше, чем в наше.

Мальчики пишут, что трактор спасти ценою жизни не стоит. Ну, хорошо, а если металлургический завод, а если ракетная установка? Они пишут, что все можно построить заново. Верно. Только нет на свете вещей, не связанных с человеческими судьбами. Если угодно, трактор тоже человеческая судьба. Может, для кого-то он был первым трактором, а для кого-то последним.

Я не верю, что в ситуациях, подобных той, в какой действовал Валька, можно подсчитать все «за» и «против». Он действовал почти инстинктивно, рефлекторно. Но я уверена и в другом: рефлекс героизма не передается по наследству. Только люди, ясно осознавшие свое место в жизни, способны в критический момент совершить то, что нужно. В том числе и пожертвовать жизнью.

Но я бы не употребляла по отношению к Вальке слово «подвиг». Он поступил так, как должен поступать каждый нормальный человек в его положении.

Женя Тополев, 67-я школа. Подвиг — это момент высшего проявления положительных качеств человека. Причем совсем не обязательно его со смертью связывать. Подвигом может быть вся жизнь. Иногда он совершается ради того, чтобы выжить и еще послужить людям. Как, например, Маресьев.

Р.М. Бескина, директор школы. В письме ребят есть упрек к Валькиным воспитателям. Дескать, не научили его дорожить жизнью, вот и совершил он вместо подвига ошибку. Но мне кажется, не должно быть программной подготовки к подвигу.

Меня лично раздражают фильмы, в которых задним числом нам хотят доказать, что подготовку к подвигу будущий герой начал еще в детском саду. Не надо учить, как поступать во время пожара, наводнений и т.д. Но можно и надо воспитывать мужество, доброту, честность. Вот тогда и сработает инстинкт благородства при любых обстоятельствах.

М. Гилис, завод имени Лихачева. Тут кто-то предлагал снять с повестки разговора слово «подвиг». А почему? Громкое слово? Громкое и точное, когда речь идет о выдающихся подвигах. Но есть и будничные, и оттого, что они будничные, они не перестают быть подвигами. Я на заводе занимаюсь техникой безопасности. Наблюдаю в острые моменты производства и малодушие, и подлинный героизм. На откровенную трусость никто из нас не решится закрыть глаза, а мужество порой заносится в разряд нормы, стандарта. Нормой оно будет тогда, когда исчезнет малодушие.

Авторам письма жалко Вальку. А почему мы должны жалеть человека, который совершил хотя и небольшой, но подвиг? Мы должны гордиться им.

Наташа Кашеницкая. Жалость бывает разная. Когда я прочитала заметку о Вальке, первым чувством была жалость. Нельзя только гордиться и не жалеть.

Г.А. Седов, Герой Советского Союза. У меня нет каких-то чеканных универсальных формул, которые приложишь к поступку — и сразу видно, героизм это или нет.

Зачем было Вальке бросаться навстречу опасности? Ничего бы, может, и не произошло, но вот он остался уродом. Зачем спасать муку, если в результате утонешь, зачем спасать автомобиль, если останешься без руки? Человеческая жизнь, конечно, значительно дороже, чем любые материальные ценности. И когда поступок уже совершен, можно положить на весы с одной стороны оторванную руку, с другой — автомобиль. Рука потянет больше. Но это мы знаем, когда уже руки нет. Мы знаем итоги поступка.

Человек сделал какое-то дело на пользу других людей и при этом еще в ущерб для себя — значит, человек совершил подвиг. Мне кажется, что не надо измерять поступок тем, какая в результате получилась выгода. Иначе получится, что если я спасаю сто тонн зерна, то потонуть стоит, а если пятьдесят тонн, то не стоит. Дело, конечно, не в материальных ценностях и не в том, насколько прочно они связаны с человеческими судьбами, а в том, что человек способен пойти на выручку друзьям, пойти на выручку хорошим людям. И даже не обязательно хорошим.

Здесь кто-то говорил: если он плохой человек, зачем я его буду спасать? Но ведь величина подвига, как и любви, оценивается главным образом не тем, кого любят, а тем, кто любит. Так и Валькин поступок надо оценивать по тем человеческим качествам, которые побудили его рисковать своим здоровьем, а не по тому, что он сделал в результате.

Надо сказать, что человек, способный совершить героический поступок, о себе, как правило, невысокого мнения. Если человек будет примерять: а сколько я стою, а какова будет польза, которую я принесу своим поступком, то уже от одной постановки этого вопроса он перестает быть героем. В своих-то глазах он, может быть, и растет, а в глазах других падает.

Валька — скромный парень. Он пишет любимой девушке, что хотел бы оставить в секрете свою фамилию и город, в котором живет, иначе подведет своего начальника, которого бы судили за эту аварию. Видимо, возможен был взрыв, Валька его предотвратил. Но об этом он даже не пишет, явно преуменьшая значение своего поступка. А если он пошел на риск только из-за хорошего отношения к начальнику, это не умаляло бы его поступка.

Несколько слов о рассудочном подходе к подвигу, какой чувствуется в письме махачкалинцев. Если бы Валька был более квалифицированным рабочим, он, может быть, остался бы невредимым. Был бы тогда это подвиг? Думаю, что и тогда был бы. Я считаю, что не надо начисто отрицать момент рационализма в подвиге. Нельзя подвиг приравнивать к мученичеству. Я думаю, что долг общества в том, чтобы по возможности исключить необ-

ходимость всякого самопожертвования. Подвиг Александра Матросова — это былинный подвиг, вершина человеческого подвига. Но нужно ли нам воспитывать молодежь так: товарищи, будет война, давайте закрывать амбразуры, как Матросов? Если люди попадут в такое тяжелое положение, в какое попал Матросов, то я уверен, что человек благородной души поступит так же. Но воспитывать нам камикадзе, как у японцев, не следует. Долг общества — подготовиться к будущей войне так, чтобы была мощная техника, чтобы война была войной малой крови.

Подвиги бывают одноразовые и многоразовые, если можно так сказать. Вы знаете, что когда много лет подряд человеку надо соприкоснуться с какими-то опасностями, то одних душевных качеств бывает недостаточно. Раз предотвратил бедствие за счет смелости, другой, а потом должно быть мастерство. Здоровый рационализм должен состоять в стремлении сделать лучше. Неправильно понимать его, подобно ребятам из Махачкалы, в плохом, меркантильном смысле.

Надо учиться благородству, чтобы всегда, не колеблясь, пойти на помощь товарищу, другу, гражданину нашей страны. С другой стороны, мы должны быть мастерами своего дела. Только тогда мы принесем больше пользы и не будет нужды идти по пути мученичества.

Но даже если Вальке и не хватило в ту минуту рационализма (вообще-то термин спорный, наверное, есть более точный), все равно его поступок — подвиг и уж никак не глупость. Я в этом глубоко уверен.

Давайте пожелаем ему, чтобы он поправился. Можно быть уверенным в том, что теперь он человек проверенный, что на него можно положиться.

КОГДА ТЫ СТАНОВИШЬСЯ ВЗРОСЛЫМ

Когда я учился в школе, был у меня приятель Данька. Помню, как, набежавшись по двору, истерзав в клочья футбольную покрывку, показав издали «нос» дворнику, с которым у нас были неважные отношения, мы уже ввечеру шли спокойно, ради отдыха, погулять вдоль Пушкинской (не московской Пушкинской, а харьковской; Пушкинские улицы есть везде, и это очень хорошо).

На Пушкинской горели фонари, в их матовом сиянии трепыхались пыльные ночные бабочки. Мороженщицы продавали эскимо, но у нас хватало денег только на газировку. Громкоговоритель в сквере пел женским басом: «Саша, ты помнишь наши встречи?..» Навстречу нам густо шли парочки.

— Эх, — тоскливо вздыхал Данька, — скорей бы уж вырасти, взрослым стать...

— Почему? — удивлялся я.

— Тьфу... Не почему, а зачем, — бросал он на меня насмешливый взгляд и презрительно заключал: — Ничего ты не понимаешь.

Нет, я в ту пору уже многое понимал. Улица меня достаточно образовала. Я мог себе представить, что именно из взрослого житья-бытья имеет в виду Данька.

И все же, повстречав его через несколько лет, я снова задался вопросом: почему моему приятелю так уж не терпелось стать взрослым? Заведующим палаткой «Овощи — фрукты»? Мужем сердитой грузной женщины? Папашей десятилетнего огольца, очень маленького ростом — точь-в-точь прежний Данька? Неужели только для этого?

Нет, не семья и не «взрослая» работа — настоящие признаки взрослости. Так когда же, когда именно переступаешь порог, за которым человек становится взрослым?

Чтобы ответить на этот вопрос, мне придется поведать еще одну историю.

В первый класс привели мальчика. Мальчик этот был вундеркиндом — есть такие чудо-мальчики. К семи годам он одолел всего Пушкина, всего Лермонтова и всего Гоголя. Он умел считать до миллиона и извлекать квадратные корни. Короче говоря, ему было нечего делать в первом классе. Он там просто скучал и нисколько не радовался своим пятеркам. Его перевели во второй. Но тут в дневнике чудо-мальчика появились тройки. По чистописанию. Писал он корявенько, неуверенно, грязно — сказалось отсутствие навыков, которые даются упорной работой, терпением, временем.

Вот тут-то ему бы и потрудиться. За месяц, за два, за полгода ценой некоторого усилия догнать товарищей. И это был бы тот начальный шаг, тот первый обыденный подвиг, с которого человек начинает взрослеть.

Но чудо-мальчик был обидчив. К тому же мать всполошилась: «Как, у него тройки?! У моего ребенка не может быть троек! Переведите его обратно...»

Перевели. Тройки исчезли из дневника. Но золотой медали он впоследствии так и не получил. К концу обучения его уже никто не почитал «чудом» — ведь к той поре все научились извлекать квадратные корни, все прочитали Гоголя. Его, наоборот, считали теперь отъявленным лодырем, растерявшим природные способности, негодим к серьезному делу, к повседневному труду и в конечном счете к деятельной жизни.

Очень верно сказано: «Посеешь поступок — пожнешь привычку, посеешь привычку — пожнешь характер, посеешь характер — пожнешь судьбу».

Вот и судите после этого, когда и как человек становится взрослым.

Моим ровесникам — тем, кому сейчас за тридцать и уже под сорок, — взрослеть пришлось рано.

Были предвоенные годы. Их вспоминаешь с чувством двояким. Дворцы пионеров, распахнувшие двери для нас. Солнце Артека и сотен других Артеков, под которым мы бронзовели и крепили. Книжки Гайдара...

Но и в ту же самую пору в иные семьи постучалась беда. Это было тяжелее, чем просто потерять дорогого человека. Гораздо тяжелее. Потому что ты должен был еще и поверить, что этот дорогой человек — враг твоей замечательной Родины, враг твоего народа и, стало быть, твой враг. И отречься от него. А сердце не верило. А совесть противилась этому. И детский ум принимался решать задачи не по возрасту...

Потом была война. Я вспоминаю тарный цех завода имени Ерманова в предместье Сталинграда. Тринадцатилетних и четырнадцатилетних мальчишек, ожесточенно колотящих молотками. Кроме этих мальчишек, в цехе был лишь мастер-инвалид. Мы сколачивали какие-то хитрые плоские ящики — минные, нам сказали. Мы тешили себя догадкой, что эти ящики и есть мины, что их начинят взрывчаткой и на них будут подрываться фашистские танки. Лишь потом выяснилось, что ящики предназначены для подноски мин к минометам. Однако производственные нормы были установлены нелегкие, взрослые, и мы их перевыполняли. После работы становились в очередь за голодной пайкой хлеба. Спали в бомбоубежище — «юнкеры» прилетали каждую ночь.

Теперь, когда мне случается встречать крупных командиров индустрии, чьи волосы еще не тронуты сединой, знаменитых ученых и конструкторов, не справивших еще и сорокалетия, совсем молодых, лейтенантской стати полковников, — я вспоминаю тех мальчишек и те годы. Не знаю, чем возместила природа недостаток витаминов в пору их взросления, но они выросли не хлипкими заморышами — они выросли крепкими, волевыми людьми, настоящими хозяевами.

Все это, конечно, говорится не в укор нынешнему поколению юных. Пусть оно избавлено от того, что омрачало нашу юность, никто не осмелится назвать нынешнее время беззаботным, безоблачным, идиллическим.

Двадцатый век, приближаясь к своей итоговой трети, становится все динамичнее, он торопит мысль и дело, торопит самое время.

И в этой связи, пытливо присматриваясь к юношеству, задаешься вопросом: когда же — раньше или позднее — приходит зрелость, взрослость к новому поколению?

Поглядишь со стороны, и сердце радуется. Внушают настоящее уважение та самостоятельность и полная гражданского достоинства независимость, с которой совсем еще зеленая молодежь вступает в жизнь и ориентируется в ней.

Но все же замечаешь и иное.

Разве нет растерянных мальчиков и девочек, которые, окончив школу, не знают, куда себя девать, к чему приложить руки и «делать жизнь с кого»?

Может быть, иные писатели и перебрали с этой коллизией. Но она не со скуки выдуманна. Черта инфантильности — затяжной детскости — довольно отчетлива в прототипах.

Современный Митрофанушка (вероятно, приятели кличут его «Мит») вполне разбирается в том, какая дверь существительная, а какая прилагательная, сведущ он и в логарифмах и даже наслышан о теории относительности. Но к шестнадцати годам он еще ни разу не задумывался над вопросом: кем быть? Он уже избавился от младенческого «буду пожарным», «буду шофером» или «буду милиционером», но еще не пришел ни к какому иному «буду». Он не заявит «не хочу учиться, хочу жениться», но для него абсолютно безразлично, в какой институт подавать документы — в юридический, рыбный, мед, пед... Нет мечты о профессии, всепоглощающей и страстной, преодолевающей любые препятствия.

Мне кажется, что затяжная детскость часто сказывается и в другом — в неумении, а то и нежелании самостоятельно мыслить, мыслить по-взрослому.

Давайте начистоту!

Я листаю кипу тетрадок с сочинениями по литературе. «Образ Веры Павловны в романе Н.Г. Чернышевского “Что делать?” является...», «...Вера Павловна является примером...», «...любимой героиней является Вера Павловна...», «Вера Павловна», «Вера Павловна...» И ни в одной тетрадке я не нахожу: «Мне совсем не нравится образ Веры Павловны. Это не мой идеал, и некоторые ее поступки мне во многом чужды. Внимательно прочитав этот роман, я решила брать пример не с Веры Павловны, а с Татьяны Лариной и Ульяны Громовой...»

А ведь многие, очень многие, я знаю, думают именно так. Но в школьных сочинениях пишут иначе.

«Мне нравятся стихи Маяковского», — пишут в сочинениях все. Я с этим вполне солидарен, потому что Владимир Маяковский — мой любимый поэт. Но среди моих юных друзей очень многие не любят стихов Маяковского. И это дело их вкуса, который, может быть, со временем изменится. А в сочинениях они кривят душой...

«Напишешь по совести — заработаешь “пару”», — заявили мне старшеклассники в одной из школ. Что ж, это может случиться. Но если даже допустить подобное, может быть, лучше получить такую принципиальную «пару», нежели беспринципную четверку, которая поперек совести, а?..

И это тоже касается вопроса о том, когда и как ты становишься взрослым. Потому что человек, не имеющий собственного мнения, собственного взгляда на вещи, повторяющий, как попка, чужое и заученное, поступающий совестью ради спокойной жизни, — это не взрослый человек, а недоразумение, будь ему хоть пятьдесят с хвостиком.

Тут, конечно, мне могут возразить: а не видится ли за страницами школьного сочинения нечто иное — не детская беспомощность, а вполне взрослый расчет подающего надежды приспособленца, хитроумного обывателя? Нет, я не допускаю этого. Но, пользуясь случаем, могу заметить, что становление личности, созревание мужества как раз и состоит в прямодушной и честной

борьбе с мелочной расчетливостью, обывательской трусостью даже тогда, когда эта борьба происходит без свидетелей — когда «сам с собой».

И последнее.

Антон Павлович Чехов однажды высказался в том роде, что каждый должен в своей жизни написать пьесу. Вероятно, это шутка. Потому что плохих пьес и без того достаточно.

Но можно предположить, что великий писатель имел в виду нечто иное.

У каждого есть родной город или родное село, то место на земле, где он родился и вырос. Оно должно быть бесконечно дорого ему. И если человек всю свою жизнь проживет, не снимаясь с родного места, делая свое доброе дело, ничего в этом зазорного нет.

И все же юность всегда рвется из родных мест — куда глаза глядят, в неизведанное, незнакомое, манящее... Так от века бывало, что отрок, закинув за плечо мешок либо навьючив лошадь, устремляет свой путь к горизонту — искать свою судьбу. Но еще никогда не бывало, чтобы десятки тысяч отроков и отроковиц сообща отправлялись в неведомый край — искать и строить свою судьбу: на Дальний Восток, на целинные земли, в сибирскую тайгу... А у нас это повелось.

Наверное, это самое большое счастье для человека — построить новый город на земле. Город, который по возрасту будет младше тебя. Возмужать вместе с этим городом. И именно в этом городе встретить свою большую любовь. Чтобы именно этот город был записан местом рождения твоих детей. И твердо знать, что этот город останется вечным памятником твоих трудов.

Оно претворяется очень по-разному — это стремление юности к еще не построенным городам. Оно воплощается подчас в делах, не имеющих ни малейшего отношения к градостроительству, в любых добрых свершениях жителя земли, но его олицетворение — город твоей мечты, так же как «алый парус» — олицетворение романтики.

... Я перечел эти строки и с огорчением обнаружил, что метания мысли, настырный ход воспоминаний, некоторая непривычность жанра часто уводили меня от темы; что кое-где, вероятно, я загнул лишку, и это покажется спорным; что иногда я обращался не к тому собеседнику, с которым начал разговор, а к другому, постарше. И, заметив все эти оплошности, я потянулся пером к бумаге — черкать и править...

Но потом передумал. Потому что уверен: вы сами отлично разберетесь, что к чему. Ведь вы уже не дети. Вы становитесь взрослыми.

АЛЕКСАНДР РЕКЕМЧУК